

II. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

DOI: 10.35634/2500-0748-2022-14-35-47

УДК: [811.511.131:811.512.145]'37(045)

Касаткина Т. Ю.

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ СЛОВ «КОРКА» И «ЙОРТ» (НА МАТЕРИАЛЕ УДМУРТСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье представлены результаты межъязыкового сопоставления содержания ассоциативных полей (АП) слова «дом» в сознании носителей удмуртского и татарского языков. АП в психолингвистике рассматривается как средство доступа к содержанию и структуре значения слова, которое представляет собой коммуникативно релевантную часть смыслового содержания концепта.

Новизна исследования семантики слова в таком ракурсе определяется тем, что подобных сравнительных исследований с носителями удмуртского и татарского языков ранее не проводилось. Целью работы является выявление универсальных и национально-специфических признаков в содержании ассоциативного поля удмуртской лексемы КОРКА и татарской лексемы ЙОРТ. Выявлены особенности семантической структуры слов-коррелятов в исследуемых языках. Исследование показало, что реальное значение слова в сознании людей намного шире, объемнее и многообразнее значения, представленного в словарях, и включает в себя как эмоционально-оценочные характеристики, так и жизненные ценности народов.

Цель статьи – продемонстрировать практические возможности использования одного из эффективных способов изучения семантики слова по его ассоциативному полю (окружению). Показать, каким образом, данный подход может быть использован в сопоставительных исследованиях при мультилингвальном обучении.

Основным методом исследования является ассоциативный эксперимент, в результате которого исследователь получает совокупность вербальных реакций, которые образуют ассоциативное поле слова. В ходе работы с АП используются метод сопоставительного семантического анализа, метод анализа словарных дефиниций.

В статье проанализированы ассоциативные поля, выявлены количественные и качественные параметры содержания АП исследуемых стимулов, определены основные способы идентификации значения слова участниками эксперимента.

Количественный анализ материала выявил, что носители удмуртского языка отличаются высоким уровнем стереотипности ответов, присутствием реакций данных на русском языке. АП, полученное от носителей татарского языка намного шире благодаря большому разнообразию единичных реакций. Обе группы распознали предложенный стимул, главным образом, через реакции парадигматического типа. Основные способы идентификации слова оказались универсальными и проявились через опоры на ментальный образ или представление и эмоционально-оценочные связи со словом-стимулом.

Ключевые слова: семантика слов «КОРКА» И «ЙОРТ», ассоциативное поле, удмуртский язык, татарский язык, межъязыковое сопоставление, ассоциативный эксперимент.

Сведения об авторе:

Касаткина Татьяна Юрьевна, кандидат филол. наук, доцент кафедры профессионального иностранного языка, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); e-mail: tatkas512@yandex.ru.

Введение

В последние годы исследования национально-культурной специфики языкового сознания носителей разных языков приобрели особую актуальность в связи с тем, что они позволяют выявить общие и отличительные черты в образах мира и определить лингвокультурные особенности строения лексикона.

Современные психолингвистические исследования с использованием ассоциативного эксперимента в качестве основного метода направлены на изучение таких важных понятий как картина мира, языковая личность, национальное языковое сознание [Зелевская, 2015; Овчинникова, 2018; Попова, 2015; Потанина, Подлеская, Федорова, 2016].

Ценности любого народа обладают национально-культурным своеобразием. Для их изучения нами проводится психолингвистическое сопоставительное исследование национально-культурной специфики лексических единиц, входящих в ядро языкового сознания этнических групп.

Межъязыковое сопоставление экспериментальных данных проводится лингвистами и психолингвистами для выявления универсальных закономерностей и тенденций при идентификации слова, а также для установления различий в речевом поведении носителей того или иного языка, обусловленных факторами языка и культуры. Соглашаясь с мнением А. А. Залевской, отметим, что межъязыковое сопоставление экспериментальных материалов позволяет выявить такие параметры ассоциативного поля, которые могли остаться незамеченными при анализе данных в рамках отдельных языков [Залевская, 1979:16]. Методическим вопросам проведения межъязыкового сопоставительного анализа посвящено немало исследований [Рогожникова, 2000; Некрасова, 2004; Итигелова, 2007; Стернин, Стернина, 2015].

На сегодняшний день имеется достаточное количество публикаций результатов ассоциативных экспериментов на материале разных языков с разными категориями испытуемых. Ассоциативное поле, получаемое в результате эксперимента, может трактоваться как многокомпонентная семантическая структура, позволяющая сделать определенные выводы об этнокультурной специфике языкового сознания исследуемой этнической группы. АП позволяет заглянуть в глубинные структуры содержательной стороны слова и определить, насколько обширной может быть ассоциативно-вербальная сеть исходного слова.

К сожалению, психолингвистическая парадигма сегодня не так богата сопоставительными исследованиями, выполненными на материале удмуртского и татарского языков. Востребованность и актуальность исследований с носителями указанных языков обусловлена не только социальными контактами в Удмуртской республике, но также значимостью получаемых в ходе проведения межъязыкового сопоставительного анализа результатов для выявления национальных различий и сходств в содержании семантики значимых языковых единиц. В рамках данной статьи воспользуемся данными ассоциативных экспериментов с носителями удмуртского и татарского языков и представим некоторые способы анализа АП по различным параметрам на примере эквивалентов лексической единицы «дом» в исследуемых языках.

Целью исследования является изучение и анализ АП удмуртской лексемы **КОРКА** и татарской лексемы **ЙОРТ** и выявление общих и отличительных черт в ассоциативном значении этих слов. Данная работа является частью комплексного психолингвистического исследования семантики слова с носителями удмуртского языка, которое наряду с внутриязыковым сопоставлением результатов предполагает и кросскультурное.

Новизна исследования заключается в том, что межъязыковое сравнительное исследование психолингвистического значения данных лексем на материале удмуртского и татарского языков в таком ракурсе проводится впервые. Полученные результаты могут быть успешно использованы при обучении удмуртскому и татарскому языку как средство получения лингвистических и психолингвистических знаний о семантической составляющей лексических единиц языка и закономерностях их использования в речевой деятельности человека.

1. Ассоциативный эксперимент как основной метод исследования

С носителями татарского языка было проведено большое количество экспериментальных исследований, результаты которых зафиксированы в ассоциативном словаре татарского и башкирского языков. Данный ассоциативный словарь был подготовлен на кафедре языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета по результатам экспериментальных исследований закономерностей функционирования слова и текста в индивидуальном сознании носителей данных языков. Словарь вышел в свет в 2016 г. под общей редакцией профессора Т. М. Рогожниковой. В нем представлены результаты масштабных психолингвистических исследований, проведенных уфимскими психолингвистами на протяжении многих лет с испытуемыми разных возрастов, в условиях нормы и патологии, в онтогенезе и геронтогенезе с выявлением универсальных и специфических особенностей в семантической структуре памяти человека. Нас интересуют результаты, полученные от носителей татарского языка в условиях нормы. Данные по АП слова ЙОРТ заимствованы нами из этого словаря.

Поскольку ассоциативного словаря удмуртского языка не существует, мы провели ассоциативный эксперимент (АЭ) с носителями удмуртского языка в соответствии со всеми правилами и методикой проведения свободного ассоциативного эксперимента. В эксперименте участвовало более 130 человек. Для удобства сравнительного анализа полученного материала рассматривались ответы только 100 участников. Участники эксперимента свободно владеют устной и письменной речью на родном языке. Удмуртский язык, наряду с русским, для них – язык повседневного общения. Основную массу респондентов составили студенты Удмуртского государственного университета, Института удмуртской филологии, которые получают образование на родном для них языке. Для получения более полных и достоверных данных к эксперименту были привлечены жители городов и сельской местности, средний возраст которых составил 24 года. Для эксперимента были выбраны слова, которые обладают высокой значимостью в национальном ментальном пространстве любого этноса – *мон* (я), *улон* (жизнь), *коньдон* (деньги), *музьем* (земля), *шудбур* (счастье), *дыр* (время), *вераськыны* (говорить), *тöдьы* (белый), *сьöd* (черный), *адями* (человек). Часть из них уже проанализирована в предыдущих работах [Касаткина, 2018; 2020].

Сущность АЭ заключается в необходимости реагировать на предъявленные слова-стимулы первым словом, которое приходит на ум испытуемому и регистрировать его письменно в специально подготовленной анкете. Поскольку само понятие ассоциативного процесса исключает идею отбора ответов, то испытуемый незамедлительно, без длительных раздумий должен дать реакцию-ответ. В результате АЭ экспериментатор получает для каждого слова-стимула некоторое множество реакций, одни из которых довольно частотны, а другие единичны. Это упорядоченное множество также принято называть ассоциативным значением слова. Все элементы ассоциативного поля взаимосвязаны и имеют семантически-релевантные отношения с исходным словом-стимулом. По мнению Н. В. Уфимцевой, ассоциативное поле слова-стимула, полученное в результате АЭ представляет собой фрагмент образа мира определенного этноса, отраженного в сознании его среднего носителя, его мотивов, оценок и культурных стереотипов [Уфимцева, 2014: 341].

Одним из преимуществ АЭ является то, что он позволяет исследователю получить материал, изучить его и сделать определенные выводы об ассоциативном окружении слова и идентифицировать наиболее актуальные для носителей языка лексико-семантические варианты (ЛСВ). В задачи подобного рода работ входит исследование коллективного сознания носителей определенного языка и культуры, что вызывает необходимость массового анкетирования группы людей с целью получения репрезентативной выборки. Полученное в ходе эксперимента ассоциативное поле является инструментом анализа семантики слова. АП любого слова имеет ядро с наиболее частотными реакциями и периферию с наименее частотными и единичными реакциями и проявляется в многообразии семантических, тематико-ситуативных и оценочно-прагматических связей.

Как указывают исследователи, ассоциативный эксперимент открывает большие возможности для определения как универсальных сторон ассоциаций, свойственных всем людям, так и специфических сторон, отражающих культуру того или иного народа. Исследования такого рода имеют большие перспективы, особенно в условиях многоязычного социума.

2. Вербальные ассоциативные связи семантики слов «КОРКА» и «ЙОРТ»

Ассоциативное поле может рассматриваться как психолингвистическая модель, которая содержит актуальные для носителей языка вербальные ассоциативные связи между лексическими единицами, выявленные в ходе АЭ. Эта модель представляет собой определенный фрагмент языкового сознания этноса [Борисова, 2019: 269].

Свободные ассоциации, полученные от респондентов на стимул, отражают психолингвистическое значение слова, которое включает не только эмоционально-оценочные характеристики, но и культурные ценности людей. Среди этих ценностей безусловно важным в жизни человека представляется *дом*, в узком и широком смысле этого слова. В ходе эксперимента исследователь получает набор ассоциаций, которые впоследствии выстраиваются в определенную структуру (ассоциативную статью) по мере убывания их частоты. Принцип построения ассоциативной статьи в нашем эксперименте соответствует принципам построения ассоциативной статьи в Русском ассоциативном словаре. Каждая ассоциативная статья сопровождается количественными показателями, где первая цифра – общее число ответов, вторая – число разных ответов, третья – число нулевых ответов и четвертая – число единичных ответов.

В ходе эксперимента с носителями татарского языка были получены следующие реакции на стимул **ЙОРТ**: *зур* (большой) 7; *өй* (дом (домашний очаг)) 5; *хужалы* (хозяйство) 4; *биек* (высокий); *матур* (красивый); *ихата* (двор/ усадьба) 3; *бура* (сруб); *кура* ((собир.) дом и надворные постройки); *олы* (большой); *тынычлык* (покой / тишина); *төзелеш* (постройка); *эче* (внутренняя часть); *яшәү урыны* (место жительства) 2; *абзар-кура* (хлев с другими надворными постройками и оградой); *агач* (дерево / деревянный); *алма-агачлар чәчкә ата* (яблони цветут); *ата-ана йорты* (родительский дом); *бакча* (сад / огород); *балалар йорты* (детский дом); *балачак* (детство); *бар* (есть); *бина* (здание); *бүрәнә* (бревенчатый); *бүрәнә өйләр* (бревенчатые дома); *баләкәй* (маленький); *гөл чәчәкләр белән* (с цветами); *зал* (зал); *зур төзелеш* (большая постройка); *иркен* (просторный); *иске агач йорт* (старый деревянный дом); *ишек* (дверь); *квартира* (квартира); *кирәк шартлар* (необходимые условия); *королты* (инструменты); *күркәм* (красивый / прелестный); *мал-туар* (домашний скот); *мал* (скот); *мунча* (баня); *нурлы* (светлый / приветливый); *рәсем* (картинка / рисунок); *ташланган* (заброшенный); *тирәсе* (вокруг); *торган өй* (жилой дом); *торган җир* (место, где живут); *тора торган җир* (там, где живут); *туган авыл* (родная деревня); *туган йорт ихатасы* (двор родного дома); *туган туфрак* (родная земля, страна); *туган җир* (родная земля); *тыныч* (спокойный / тихий); *түбә* (крыша); *төз* (прямой); *төзек* (исправный, ухоженный дом); *төзәргә кирәк* (нужно построить); *уңайлыклар* (удобства); *урны* (место (дома)); *хайваны* (животные (домашние)); *чирәмлек* (зеленая лужайка); *чиста* (чистый);

чисталык (чистота); *чәчкә эчендә утырган өй* (дом, утопающий в цветах); *шакмак* (квадрат); *эт* (собака); *юк* (нет); *яши торган өй* (дом, в котором живут); *яшәү өчен* (для жилья); *өй салынган урын* (место, где поставлен дом); *өй картәсе* (двор); *үзбезнең йорт* (наш дом); *үземнең йорт* (мой дом) *үземнең ихата* (мой двор); *жиһазы* (мебель / домашняя утварь); *жимерек* (разрушенный) 1. 100+66+0+49.

В результате эксперимента на слово **КОРКА** от носителей удмуртского языка было получено следующее АП стимула:

шуньт (теплый) 17; *уют* 14; *вордйськем инты* (родной дом / место рождения); мой дом – моя крепость 7; *анай* (мама); *семья* (семья 5); *анай-атай(ес)* (родители); *югыт* (светлый); *яратоно валес* (любимая кровать 4); *гурт* (деревня); *жсуась гур* (растопленная печь); *пу корка* (деревянный дом); *улон инты* (место проживания); очаг 3; *азбар* (двор); *шудбур* (счастье); *шутэтскон* (отдых 2); *бадзым шуньт корка, кытын улэ бадзым семья* (большой теплый дом, в котором живет большая семья); *вордйськем инты, кытын ваньзы ярато тонэ* (родной дом, в котором все любят тебя); защищенность; *кышноен карт* (муж с женой); *липет* (навес); *пинальес* (дети); *укно* (окно); *ни* (сын); спокойствие; *чебер* (красивый); *шумпотыны* (испытывать радость); *яратон* (любовь) 1. 100+30+0+12.

Представленные выше ассоциативные статьи послужили материалом для сопоставительного анализа семантики слова ДОМ в татарском и удмуртском языках по количественным и качественным показателям.

3. Количественный анализ ассоциативных полей исследуемых слов

В числе количественных параметров анализа материалов, проведенных нами экспериментов, учитываются:

- 1) уровень стереотипности реакций;
- 2) количество разных и единичных реакций на слово-стимул;
- 3) преобладание синтагматических или парадигматических реакций;
- 4) расхождения в степенях актуальности различных лексико-семантических вариантов (ЛСВ).

Рассмотрим их подробнее.

1. Порождение стандартных, стереотипных ассоциаций вызвано рядом закономерностей. Как правило, стандартные ассоциации возникают на основе регулярной совместной встречаемости слов в текстах. Главным образом, это речевые и языковые ассоциации, обусловленные частой совместной встречаемостью слов в речи и языке. Таким образом, правомерно будет сказать, что стереотипные ассоциативные связи возникают у человека как способ закрепления прошлого речевого и когнитивного опыта. Стереотипные ответы на стимул возникают непроизвольно, что указывает на хорошо сформированный автоматизм установления связи между словами [Грановская, Крижанская, 1994: 77]. Анализ фактического материала в предыдущих наших работах показывает, что обычно, если предъявленные слова-стимулы достаточно часто встречаемы, то стандартные для носителей данного языка и культуры ответы скорее преобладают. Р. М. Фрумкина полагает, что если ассоциативный эксперимент повторить в аналогичной группе лиц, то результаты будут схожими [Фрумкина, 2003: 193]. В. П. Серкин отмечает, что частотные ассоциации в ассоциативном эксперименте являются наиболее информативными [Серкин, 2005: 227]. Некоторые ученые полагают, что по показателям стереотипности реакций можно делать выводы о динамике изменения структуры языкового этнического сознания [Ершова 1998: 67]. Предполагается, что высокий уровень стереотипности реакций указывает на слабые изменения языкового сознания, и наоборот, разнообразие реакций демонстрирует динамичность, подвижность сознания.

А. А. Залевская отмечает, что уровень стереотипности в психолингвистических исследованиях можно определить следующими способами:

1) выявить, какой процент от общего числа реакций составляют три наиболее частые реакции;

2) определить среднее количество разных реакций на стимул [Залевская, 1979: 6].

Анализ ассоциативного материала позволил нам выявить стереотипные реакции удмуртов и татар. Ниже представлена таблица 1, в которой приведены данные об уровне стереотипности реакций с наиболее высокими показателями по исследуемым языкам.

Таблица 1 – Сопоставительная таблица данных об уровне стереотипности реакций с наиболее высокими показателями

Исследуемая группа	Самая частая реакция на предъявленный стимул	Уровень стереотипности
удмурты	<i>шуныт</i> / теплый	17%
	<i>уют</i>	14%
	<i>вордйськем инты</i> / родной дом / место рождения	7%
	<i>мой дом – моя крепость</i>	7%
татары	<i>зур</i> / большой	7%
	<i>өй</i> / дом (домашний очаг)	5%
	<i>хужжалык</i> / хозяйство	4%

1. Данная таблица наглядно демонстрирует, что носители удмуртского языка показали более высокий уровень стереотипности, чем носители татарского языка. Среди стереотипных реакций удмуртов выделяются ответы, данные на русском языке – *уют* и *мой дом – моя крепость*. 17% респондентов дали реакцию *шуныт / теплый*. Для носителей татарского языка наиболее стереотипными оказались слова *зур / большой* и *өй / дом (домашний очаг)*.

2. Ассоциативные реакции носителей татарского языка отличаются разнообразием единичных ответов. Содержание АП намного шире и объемнее по когнитивно-ассоциативным связям и отношениям между стимулом и реакцией. Но стоит отметить одну важную особенность: несмотря на большое количество единичных реакций, многие из них имеют очень близкие значения. Например, *зур (большой)*; *олы (большой)*; *торган жир* (место, где живут); *тора торган жир* (там, где живут); *мал-туар* (домашний скот); *мал* (скот); *туган туфрак* (родная земля / страна); *туган жир* (родная земля); *кура* ((собир.) дом и надворные постройки), *абзар-кура* (хлев с другими надворными постройками и оградой); *бүрәнә* (бревенчатый); *бүрәнә өйләр* (бревенчатые дома). Носители удмуртского языка дали только 12 % единичных реакций.

3. Исследование семантической структуры слова и его функционирования в языке неразрывно связано с изучением его сочетаемости. Основной единице лексико-семантической системы – слову, присущи два типа структурных отношений – парадигматические и синтагматические. Э. М. Медникова высказывает мнение о том, что парадигматические связи, существующие в языке, и синтагматические связи, существующие в речи, вместе наиболее полно раскрывают семантику слова. Они не могут рассматриваться изолированно друг от друга, поскольку, являясь членом определенной лексико-семантической парадигмы, слово может выступать лишь в определенных синтагматических связях [Медникова, 1974: 47-51].

По мнению В.П. Беянина, здесь проявляется принцип «минимального контраста», т. е., чем меньше слово-стимул отличается от слова-реакции по составу семантических компонентов, тем выше вероятность «актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе» [Беянин, 2011: 131].

Рассмотрим синтагматические реакции носителей татарского языка:

ЙОРТ: *зур* (большой); *биек* (высокий); *матур* (красивый); *олы* (большой); *агач* (дерево/ деревянный); *ата-ана йорты* (родительский дом); *балалар йорты* (детский дом); *бүрәнә* (бревенчатый); *бүрәнә өйләр* (бревенчатые дома); *баләкэй* (маленький); *иркен* (просторный); *иске агач йорт* (старый деревянный дом); *күркәм* (красивый / прелестный);

нурлы светлый (приветливый); *ташланган* (заброшенный); *торган өй* (жилой дом); *тыныч спокойный* (тихий); *төз* (прямой); *төзек* (исправный, ухоженный дом); *чиста* (чистый); *чәчкә эчендә утырган өй* (дом, утопающий в цветах); *үзбезнең йорт* (наш дом); *үземнең йорт* (мой дом); *җиммерек* (разрушенный).

Синтагматические реакции удмуртской группы представлены следующими ассоциатами:

КОРКА: *шуныт* (теплый); *югыт* (светлый); *пу корка* (деревянный дом); *бадзым шуныт корка, кытын улә бадзым семья* (большой теплый дом, в котором живет большая семья); *чебер* (красивый).

Как видно из примеров, слово-стимул вступает в синтаксические отношения со словом-реакцией и образует словосочетание или грамматическую основу предложения, например, атрибутивные реакции, представленные выше.

Рассмотрев синтагматические реакции татар и удмуртов, выявляем, что испытуемые татарской группы дали 34% синтагматических реакций на предъявленное слово, а респонденты удмуртской группы – 26%. Синтагматическая связь **КОРКА** – *шуныт* (теплый) является самой частой, автоматизированной ассоциативной парой. Для носителей татарского языка – **ЙОРТ** – *зур* (большой).

Парадигматические ассоциации, как правило, включают в себя отношения синонимии:

КОРКА: *вордйськем инты* (родной дом/место рождения); *мой дом – моя крепость*; *улон инты* (место проживания); очаг.

ЙОРТ: *өй* (дом (домашний очаг)); *хужсалы* (хозяйство); *ихата* (двор / усадьба); *бура* (сруб); *кура* ((собир.) дом и надворные постройки); *төзелеш* (постройка); *яшәү урыны* (место жительства); *бина* (здание); *зур төзелеш* (большая постройка); *квартира* (квартира); *торган өй* (жилой дом); *торган җир* (место, где живут); *тора торган җир* (там, где живут); *туган авыл* (родная деревня); *туган туфрак* (родная земля / страна); *туган җир* (родная земля); *яши торган өй* (дом в котором живут); *яшәү өчен* (для жилья).

Многие ученые признают, что результаты АЭ возможно применить для изучения синонимии [Дударева, 2017; Рудакова, Стернин, 2015 и др]. Многокомпонентный анализ ассоциативных полей слов-стимулов дает возможность моделировать синонимические гнезда слов.

Учитывая процент синтагматических реакций в обеих группах, приходим к выводу, что большинство испытуемых во время эксперимента идентифицировали анализируемые слова-стимулы через реакции парадигматического типа, что позволяет нам говорить о том, что восприятие слова – это в первую очередь, восприятие некоторого образа, который чаще всего обозначает предмет (одушевленный, неодушевленный, абстрактный, собирательный и т. д.) и выражается, как правило, при помощи имени существительного. Существительные составляют ядро лексикона человека и наилучшим образом соответствуют роли единиц идентификаторов.

Таким образом, в содержании слов **КОРКА** и **ЙОРТ** для носителей удмуртского и татарского языков концентрируются самые существенные признаки: ядро, представленное парадигматическими реакциями, называемыми конструктивными элементами (*липет* (навес); *укно* (окно); *жуась гур* (растопленная печь); *ишек* (дверь); *зал* (зал); *зур төзелеш* (большая постройка), а также знания, преломленные в сознании индивида в соответствии с его чувственной сферой – пониманием дома, связанном с представлением уютного, теплого уголка; чувствами и эмоциональными переживаниями человека, вызванными образом дома, его положительной оценкой. Особо следует выделить те значения исследуемой лексемы, которые объединены семьей «группа людей». В сознании представителей как удмуртской, так и татарской культуры при употреблении эквивалентов слова ДОМ на их национальных языках часто возникает образ семьи, людей, живущих вместе, под одной крышей, а также хозяйство, быт семьи. Данные слова в сознании испытуемых вызывает на чувственном уровне ощущение спокойствия, любви, теплоты и защищенности. Это подтверждают

следующие реакции на удмуртском языке: *шудбур* (счастье); *шутэтскон* (отдых); *шумпотыны* (испытывать радость); *яратон* (любовь). На татарском языке были получены реакции: *тынычлык* (покой / тишина); *тыныч* (спокойный / тихий).

4. Группировка ассоциаций по общности основания для их связи с исходным словом и анализ структуры ассоциативного поля слов предполагает работу с толковыми словарями исследуемых языков. Необходимо соотнести ассоциативные реакции с указанными в толковых словарях лексико-семантическими вариантами (ЛСВ). Для решения поставленной задачи были использованы электронные версии удмуртско-русского, русско-удмуртского словарей и толкового словаря татарского языка.

В новом русско-удмуртском словаре зафиксированы следующие ЛСВ слова **КОРКА / ДОМ**:

ЛСВ₁ – здание, строение для жилья; ЛСВ₂ – жилое помещение, квартира, жилье; ЛСВ₃ – семья, люди, живущие одним хозяйством; ЛСВ₄ – царствующий род, династия; ЛСВ₅ – о составе названий различных учреждений, заведений (дом культуры, дом отдыха, дом техники); ЛСВ₆ – о помещении, служащем временным жильем; ЛСВ₇ – о месте жительства, работы, ставшем для человека родным, своим.

В толковом словаре татарского языка выделено 7 ЛСВ лексемы **ЙОРТ / ДОМ**:

ЛСВ₁ – сооружение, здание, построенное для проживания или размещения различных организаций и т. п.; ЛСВ₂ – дом и прилегающие к нему хозяйственные постройки; ЛСВ₃ – двор; ЛСВ₄ – люди одной семьи, проживающие в одном хозяйстве / люди нескольких семей, живущие под одной крышей; ЛСВ₅ – здание, сооружение, специально предназначенное для определенной цели; ЛСВ₆ – страна, государство; место рождения, проживания; ЛСВ₇ – организация, учреждение; ЛСВ₈ – ист. однодворцы, потомки.

Обобщив данные словарей и изучив содержание АП, мы выделили *основные ЛСВ исследуемых слов*:

1. здание, строение для жилья; 2. жилое помещение, квартира, жилье; 3. семья, люди, живущие одним хозяйством; 4. о месте жительства, работы, ставшем для человека родным, своим.

Результаты группировки реакций по общности основания для их связи со словом-стимулом представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Ассоциативные реакции, соответствующие ЛСВ удмуртского слова **КОРКА** и татарского слова **ЙОРТ**

ЛСВ		Ассоциаты, сгруппированные по общности основания для их связи с исходным словом
ЛСВ ₁	здание, строение для жилья	<i>Удмуртский</i> : <i>пу корка</i> (деревянный дом); <i>мой дом–моя крепость</i> ; <i>бадзьм шуныт корка, кытын улэ бадзьм семья</i> (большой теплый дом, в котором живет большая семья). <i>Татарский</i> : <i>кура</i> ((собр.) дом и надворные постройки); <i>төзелеш</i> (постройка); <i>ата-ана йорты</i> (родительский дом); <i>бина</i> (здание); <i>бүрэнә өйләр</i> (бревенчатые дома); <i>зур төзелеш</i> (большая постройка); <i>иске агач йорт</i> (старый деревянный дом); <i>квартира</i> (квартира); <i>торган өй</i> (жилой дом); <i>торган эҗир</i> (место, где живут); <i>тора торган эҗир</i> (там, где живут); <i>яшәү өчен</i> (для жилья).
ЛСВ ₂	жилое помещение, квартира, жилье	<i>Удмуртский</i> : <i>шуныт</i> (тепло); <i>уют</i> ; <i>югыт</i> (светлый); <i>яратоно валес</i> (любимая кровать); <i>жэуась гур</i> (растопленная печь); <i>очаг</i> ; <i>шутэтскон</i> (отдых); <i>защищенность</i> ; <i>спокойствие</i> . <i>Татарский</i> : <i>өй</i> (дом (домашний очаг)); <i>хужалы</i> (хозяйство); <i>эче</i> (внутренняя часть); <i>зал</i> (зал); <i>квартира</i> (квартира); <i>кирәк шартлар</i> (необходимые условия); <i>уңайлыклар</i> (удобства); <i>яшәү өчен</i> (для жилья); <i>эҗиһазы</i> (мебель / домашняя утварь).

ЛСВ ₃	семья, люди, живущие одним хозяйством	Удмуртский: <i>анай</i> (мама); <i>семья</i> (семья); <i>анай-атай(ес)</i> (родители); <i>кышноен карт</i> (муж с женой); <i>ныллиос</i> (дети); <i>пи</i> (сын). Татарский: <i>гайлә</i> (семья); <i>семья</i> (семья); <i>гайлә бәхете</i> (счастье семьи / семейное счастье); <i>кешеләр яши</i> (люди живут); <i>хужа</i> (хозяин); <i>әни</i> (мама).
ЛСВ ₄	о месте жительства, работы, ставшем для человека родным, своим)	Удмуртский: <i>улон инты</i> (место проживания); <i>гурт</i> (деревня); <i>вордйськем инты</i> (родной дом); <i>вордйськем инты, кытын ваньзы ярато тонэ</i> (родной дом, в котором все любят тебя). Татарский: <i>яшәу урыны</i> (место жительства); <i>туган авыл</i> (родная деревня); <i>туган йорт ихатасы</i> (двор родного дома); <i>туган туфрак</i> (родная земля / страна); <i>туган җир</i> (родная земля); <i>үзбенең йорт</i> (наш дом); <i>үземнең йорт</i> (мой дом).

В ответах татарских респондентов также актуализировался ЛСВ₂, зафиксированный в толковом словаре татарского языка – дом и прилегающие к нему хозяйственные постройки: *бура* (сруб); *кура* ((собир.) дом и надворные постройки); *абзар-кура* (хлев с другими надворными постройками и оградой); *мунча* (баня). Также один из участников дал ответ *балалар йорты* (детский дом), что соответствует зафиксированному в словаре ЛСВ₅ – здание, сооружение, специально предназначенное для определенной цели.

В основном, судя по ассоциациям, в сознании носителей татарского языка при предъявлении стимула **ЙОРТ** возникает образ частного дома: *хужалы* (хозяйство); *ихата* (двор / усадьба); *бура* (сруб); *кура* ((собир.) дом и надворные постройки); *абзар-кура* (хлев с другими надворными постройками и оградой); *бакча* (сад / огород); *мал-туар* (домашний скот); *мал* (скот); *мунча* (баня); *туган авыл* (родная деревня); *туган йорт ихатасы* (двор родного дома); *өй картәсе* (двор); *үземнең ихата* (мой двор).

Другие ЛСВ не актуализировались в эксперименте, что указывает на слабость установленных связей и отношений между стимулом и предполагаемыми реакциями, связанными с этими ЛСВ.

4. Способы идентификации значения слова

Доступ к структурам памяти, к продуктам жизненного опыта индивида осуществляется при помощи различных опор и стратегий, которые, охватывая все многообразие увязываемых со словом впечатлений и переживаний, определяют целостность идентификационного процесса. В работах по ассоциативной психолингвистике упоминается о двух основных способах доступа к слову-стимулу и последующему его распознаванию: идентификации по формальным поверхностным признакам и идентификации по глубинным семантическим признакам слова.

Интерпретация содержания АП исследуемых лексем позволила нам сделать следующие выводы:

1. В процессе идентификации слова-стимула и удмурты, и татары использовали вариативные стратегии и опоры. Наиболее отчетливо прослеживается опора на конкретную понятийную систему (с опорой на конкретный образ или представление), например, удмуртские реакции на стимул **КОРКА**: *анай* (мама); *семья* (семья); *анай-атай(ес)* (родители); *яратоно валес* (любимая кровать); *гурт* (деревня); *җуась гур* (растопленная печь); *пу корка* (деревянный дом); *улон инты* (место проживания); *азбар* (двор); *кышноен карт* (муж с женой); *липет* (навес); *пинальес* (дети); *укно* (окно); *пи* (сын). Татарские реакции на стимул **ЙОРТ**: *ихата* (двор / усадьба); *бура* (сруб); *кура* ((собир.) дом и надворные постройки); *абзар-кура* (хлев с другими надворными постройками и оградой); *алма-агачлар чәчкә ата* (яблони цветут); *гөл чәчәкләр белән* (с цветами); *зал* (зал); *иске агач йорт* (старый деревянный дом); *ишек* (дверь); *квартира* (квартира); *королты* (инструменты); *мал-туар*

- (домашний скот); *мал* (скот); *мунча* (баня); *чирәмлек* (зеленая лужайка); *эт* (собака).
2. Некоторые испытуемые при идентификации стимула опирались на «абстрактную» понятийную систему». По мнению М. А. Холодной, «человек, обладающий высоким уровнем абстрактности, способен переступить границы непосредственного и двигаться в рамках более отдаленных семантических и смысловых расстояний» [Холодная 2002]. Для наглядности приведем несколько примеров. Удмуртские реакции: *шудбур* (счастье), *шутэтскон* (отдых); защищенность, спокойствие, *яратон* (любовь). Татарские реакции: *тынычлык* (покой / тишина); *чисталык* (чистота).
 3. Несмотря на то, что участников эксперимента просили реагировать одним словом на стимул, присутствуют развернутые ответы-дефиниции и устойчивые выражения: **удмуртские реакции:** *бадзым шуныт корка кытын улэ бадзым семья* (большой теплый дом, в котором живет большая семья); *вордйськем инты кытын ваньзы ярато тонэ* (родной дом, в котором все любят тебя; *мой дом – моя крепость*. **Татарские реакции:** *алма-агачлар чэчкэ ата* (яблони цветут); *иске агач йорт* (старый деревянный дом); *торган өй* (жилой дом); *торган жир* (место, где живут); *тора торган жир* (там, где живут); *туган авыл* (родная деревня); *туган йорт ихатасы* (двор родного дома); *чэчкэ эчендэ утырган өй* (дом, утопающий в цветах).
 4. В АП стимулов присутствуют реакции на русском языке, которые мы условно обозначили как переводные: удмуртские: *уют*; *мой дом – моя крепость*; *очаг*; *защищенность*; *спокойствие*. В АП слова **ЙОРТ** реакции на русском языке отсутствуют.
 5. Эмоционально-оценочный компонент значения слова проявился в следующих реакциях на стимул **КОРКА**: *теплый, светлый, красивый*. Стимул **ЙОРТ** вызвал в сознании татарской группы реакции: *матур* (красивый); *иркен* (просторный); *куркам* (красивый / прелестный); *нурлы* (светлый / приветливый); *ташланган* (заброшенный); *тыныч спокойный* (тихий); *чиста* (чистый); *чэчкэ эчендэ утырган өй* (дом, утопающий в цветах); *жимерек* (разрушенный).
 6. Персонифицированные реакции. В татарском АП – *үзбезнең йорт* (наш дом); *үземнең йорт* (мой дом); *үземнең ихата* (мой двор); в удмуртском АП такие реакции отсутствуют.

Таким образом, при идентификации значения слова и установлении связи между стимулом и реакцией носители удмуртского и татарского языка используют схожие базовые стратегии и опоры.

Заключение

Психолингвистический полевой подход к изучению значения лексической единицы языка позволяет выявить семантические потенции слова и разнообразие возможных семантических отношений с другими словами. Межъязыковое сопоставление ассоциативных полей показало, что в слове **КОРКА** для носителей удмуртского языка и слове **ЙОРТ** для носителей татарского языка концентрируются самые существенные признаки понятия «дом». Дом является реалией, неизменно присутствующей на всем протяжении жизнедеятельности человека, и представляет одну из ключевых культурных констант, зафиксированных в индивидуальном сознании вне зависимости от принадлежности к той или иной этнической группе. Сопоставительный анализ этнокультурных представлений о доме на материале удмуртского и татарского языков выявил универсальные и отличительные смысловые параметры ассоциативных полей.

Среди отличительных черт стоит отметить высокий уровень стереотипности реакций у носителей удмуртского языка, присутствие реакций на русском языке на удмуртский стимул. Ответы татарских респондентов отличаются большим разнообразием единичных ответов. При сравнении ассоциативных статей обращает на себя внимание то, что носители татарского языка дали более развернутые ответы, чем носители удмуртского языка, тем самым актуализировав большее количество ассоциаций.

Универсальность проявилась в стратегиях идентификации слова, т. е. в процессе распознавания визуального стимула. Среди множества способов наиболее ярко проявились идентификация слова-стимула с опорой на образ и представление, эмоционально-оценочные переживания. Испытуемые обеих групп идентифицировали стимулы через реакции парадигматического типа. Семантическая структура предъявленного стимула реализовалась в значениях «место проживания людей», «совместно проживающие люди», «здание, постройка», «оценка дома». Все участники экспериментов видят «дом» в положительном свете, ассоциируя его с семьей, уютом, родным очагом. Понятие *дом* в удмуртской и татарской языковой картине мира представлено базовыми жизненными ценностями этноса: семья, спокойствие, защищенность.

В настоящее время актуальным является прикладное использование полученных данных. Ассоциативные исследования лексических единиц демонстрируют все многообразие их семантического содержания, а также наиболее эффективные способы их запоминания в процессе изучения любого национального языка. АЭ не только применяется как метод исследования, помогающий в решении широкого спектра лингвистических задач, но и служит средством обучения и контроля знаний в методике преподавания языков. Ассоциативные данные также могут быть использованы в качестве объекта изучения концептов. Психолингвистическое значение слова, представленное в АП в виде семантически связанных лексических единиц, указывает на его коммуникативный потенциал. Изучение развитой вербальной сети в рамках не только своего родного языка, но и вновь изучаемого языка, ведет к осуществлению успешной коммуникации.

Литература:

1. Залевская А. А. Ментальный лексикон: Конструкт, метафора или миф? // GISAP: Philological Sciences. 2015. № 8. С. 42–44.
2. Овчинникова И. Г. Синтагматические сбои в русской речи: Интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2. С. 84–98.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015.
4. Потанина Ю. Д., Подлеская В. И., Федорова О. В. Вербальная рабочая память и лексико-грамматические сигналы речевых затруднений: Данные русского мультимодального корпуса // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды межд. конф. «Диалог-2016». Москва, 2016. С. 173–183.
5. Залевская А. А. Межъязыковое сопоставление в психолингвистике: учеб. пособие. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1979.
6. Рогожникова Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. Уфа: Изд-во Уфимск. гос. авиац. техн. ун-та, 2000.
7. Некрасова С. В. О методике проведения межъязыкового анализа экспериментального материала // Вопросы обучения иностранным языкам: Методика, лингвистика, психология: материалы межд. научно-практ. конф. Уфа, 2004. С. 232–235.
8. Итигелова В. С. Ассоциативный эксперимент как средство выявления национально-культурной специфики образов языкового сознания // Вестник Иркутского гос. техн. ун-та, 2007. № 2 (30). С. 148–150.
9. Стернин И. А., Стернина М. А. Сопоставительные исследования 2015: материалы I всерос. научной конференции. Воронеж, 2015.
10. Касаткина Т. Ю. Психолингвистические исследования семантики слова. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 2018.
11. Касаткина Т. Ю. Ассоциативное поле как модель анализа значения слова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14 (4). С. 589–603.
12. Уфимцева Н. В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник Иркутск. гос. техн. ун-та. 2014. № 9 (92). С. 340–347.
13. Борисова Ю. А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 1А. С. 265–275.

14. Грановская Р. М., Крижанская Ю. С. Творчество и преодоление стереотипов. СПб.: Эксклюзив, 1994.
15. Фрумкина Р. М. Психолингвистика: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Академия, 2003.
16. Серкин В. П. Образ мира и образ жизни. Магадан: Изд-во Сев. междунар. ун-та, 2005.
17. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. Москва: Высшая школа, 1974.
18. Белянин В. П. Психолингвистика. Москва: Флинта, 2011.
19. Дударева Я. А. Возможности использования «Неймингового словаря русского языка» в исследовании синонимии // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2017. № 1. С. 154–158.
20. Рудакова А. В., Стернин И. А. Методика психолингвистического исследования синонимов // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2. С. 271–285.
21. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 13.10.2022

Kasatkina T. Yu.

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ASSOCIATIVE FIELDS OF THE
WORDS “KORKA” AND “YORT”
(BASED ON THE MATERIAL OF THE UDMURT AND TATAR LANGUAGES)**

The paper presents the results of an interlanguage study of the semantics of the word “house” in the minds of speakers of the Udmurt and Tatar languages. In psycholinguistics the associative field (AF) of a word is treated as a verbal model and a tool of accessing the content and structure of the word meaning, which is regarded as a communicatively relevant part of the concept. It is important to note that the meaning of its semes conveys the cognitive features and components that form the concept, but this is always only part of the semantic content of the concept.

The novelty of studying the semantics of a word in this perspective is determined by the fact that such comparative studies with native speakers of the Udmurt and Tatar languages have not been conducted before. The aim of the work is to identify universal and national-specific features in the content of the associative field of the Udmurt lexeme KORKA and the Tatar lexeme YORT. The features of the semantic structure of the correlative words in the studied languages are revealed. The study showed that the real meaning of the word in the minds of people is much broader, more voluminous and more diverse than the meaning presented in dictionaries, and it includes both emotional and evaluative characteristics and vital values of peoples.

The purpose of the article is to demonstrate the practical possibilities of using one of the effective ways to study the semantics of a word by its associative field and to show how this approach can be used in interlanguage research.

The main method of research is an associative experiment, as a result of which the researcher receives a set of verbal reactions that form the associative field of the word. In the course of working with the AF, the method of comparative semantic analysis and the method of analysing dictionary definitions were used.

The article analyses associative fields, identifies quantitative and qualitative parameters of the content of the AF of the studied stimuli, defines the main ways of identifying the meaning of the word by the participants of the experiment.

Quantitative analysis of the material revealed that native speakers of the Udmurt language are distinguished by a high level of stereotypical responses, the presence of reactions in the Russian

language. The AF received from native Tatar speakers is much broader due to the wide variety of individual reactions. Both groups recognised the proposed stimulus mainly through paradigmatic type reactions. The main ways of identifying the word turned out to be universal and manifested through reliance on a mental image or representation and emotional-evaluative connections with the stimulus word.

Key words: semantics of the words “KORKA” and “YORT”, associative field, Udmurt language, Tatar language, interlanguage comparison, associative experiment.

About the author:

Kasatkina Tatiana Yuryevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Professional Foreign Language, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: tatkas512@yandex.ru.

References:

1. Zalevskaya, A. A. “Mental Lexicon: Construct, Metaphor or Myth?” *GISAP: Philological Sciences*, no. 8, 2015, pp. 42–44.
2. Ovchinnikova, I. G. “Syntagmatic Failures in Russian Speech: Interpretation in the Light of Actual Models of Mental Lexicon.” *Voprosy Psikholingvistiki*, no. 2, 2018, pp. 84–98.
3. Popova, Z. D., Sternin, I. A. *Language and National Picture of the World*. Moscow-Berlin, 2015.
4. Potanina, Yu. D., Podlesskaya, V. I., Fedorova, O. V. “Verbal Working Memory and Lexico-Grammatical Signals of Speech Difficulties: Data of the Russian Multimodal Corpus.” *Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog–2016”*, Moscow, 2016, pp. 173–183.
5. Zalevskaya, A. A. *Interlanguage Comparison in Psycholinguistics*. Kalinin, 1979.
6. Rogozhnikova, T. M. *Psycholinguistic Study of the Functioning of a Polysemantic Word*. Ufa, 2000.
7. Nekrasova, S. V. “On the Methodology of Interlanguage Analysis of Experimental Material.” *Voprosy Obucheniya Inostrannym Yazykam: Metodika, Lingvistika, Psikhologiya*: conference papers. Ufa, 2004, pp. 232–235.
8. Itigelova, V. S. *Associative Experiment as a Means of Revealing the National-Cultural Specificity of Images of Linguistic Consciousness*. Irkutsk, no. 2 (30), 2007.
9. Sternin, I. A., Sternina, M. A. “Comparison as a Linguistic Methodology.” *Sopostavitel'nye Issledovaniya*. Voronezh, 2015.
10. Kasatkina T. Yu. *Psycholinguistic Studies of the Semantics of the Word*. Izhevsk, 2018.
11. Kasatkina T. Yu. “Associative Field as a Model for Analyzing the Meaning of a Word.” *Ezhegodnik Finno-Ugorskikh Issledovaniy*, no. 14 (4), 2020, pp. 589–603.
12. Ufimtseva, N. V. *Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World*. Irkutsk, no. 9 (92), 2014.
13. Borisova, Yu. A. “Associative Experiment in Modern Psycholinguistic Research.” *Psikhologiya. Istoriko-Kriticheskie Obzory i Sovremennye Issledovaniya*, vol. 8, no. 1A, 2019, pp. 265–275.
14. Granovskaya, R. M., Krizhanskaya, Yu. S. *Creativity and Overcoming Stereotypes*. Sankt-Petersburg, 1994.
15. Frumkina, R. M. *Psycholinguistics: A Textbook for Students of Higher Educational Institutions*. Moscow, 2003.
16. Serkin, V. P. *The Way of the World and the Way of Life*. Magadan, 2005.
17. Mednikova, E. M. *The Meaning of the Word and Methods of its Description*. Moscow, 1974.
18. Belyanin, V. P. *Psycholinguistics*. Moscow, 2011.
19. Dudareva, Ya. A. *Possibilities of Using the “Naming Dictionary of the Russian Language” in the Study of Synonymy*. Kemerovo, no. 1, 2017, pp. 154–158.
20. Rudakova, A. V., Sternin, I. A. “Methodology of Psycholinguistic Research of Synonyms.” *Voprosy Psikholingvistiki*, no. 2, 2015, pp. 271–285.
21. Kholodnaya, M. A. *Psychology of Intelligence. Paradoxes of Research*. Sankt-Petersburg, 2002.

Received 13.10.2022